

„удалые витязи“, „храбрые витязи и велемощные богатыри“, „полци силнии, великие, храбрии“, „войско великое крепкое“, „рать силная, великая“ и т. п.

Именно такими характеристиками русских воинов особенно поддерживалась связь книжного Сказания с устными преданиями о Куликовской битве и с героическим эпосом вообще. И как ни сильна в Сказании в целом его религиозно-назидательная тенденция, героический характер самого события, изображенного в нем, не мог не направить внимания читателей-соавторов и к народной оценке его.

Таким образом, изучение состава сохранившихся редакций Сказания о Мамаевом побоище показывает, что лежащий в их основе древнейший текст обрабатывался в двух направлениях. Одни авторы-редакторы, равняясь по возобладавшему в официозном московском историческом стиле XV—XVI вв. оцерковленному стилю,¹ усиливали в повествовании религиозную риторику (молитвы, цитаты „от писания“, чудеса, нравоучения), другие дополняли рассказ устными преданиями об отдельных моментах, связанных с Куликовской битвой, или украшали изложение отстоявшимися эпизодами устного героического эпоса.

Насколько религиозная историософия преобладает в обеих выше охарактеризованных повестях о Куликовской битве, настолько в стороне она осталась у „Софония старца рязанца“ — автора Задонщины или Слова о великом князе Дмитрее Ивановиче и о брате его князе Владимире Андреевиче. Признаем ли мы гипотезу А. А. Шахматова о том, что Задонщине предшествовало Слово о Мамаевом побоище, или сохраним полностью авторство за Софонием рязанцем, во всяком случае очевидно, что повесть эта сложилась вскоре после Куликовской битвы. Предположение М. Н. Тихомирова, датирующего повесть временем до 1393 г., несомненно заслуживает внимания,² как и отнесение им „Задонщины“ к московской исторической литературе.

Если даже при восстановлении, по достаточно искаженным перепиской текстам, первоначального вида Задонщины не исключать из нее читающихся в некоторых списках упоминаний о том, что, вступив „в златое стремя“, великий князь „помолися богу и пресвятии богородици“, и что в эту минуту „Борис и Глеб“ воздали „молитву за сродники“, то этим ограничится все „религиозное“ в основной части повести. В заключительном рассказе о бегстве Мамаю в Кафу есть еще неясного происхождения нравоучительная ссылка на то, что поход

¹ Об этой тенденции к оцерковливанию исторического повествования, обнаруживаемой в московской литературе XV в., см.: М. Н. Тихомиров. Древняя Москва. М., 1947, стр. 209.

² Древняя Москва, стр. 202: эта датировка основывается на упоминании в Задонщине Тырнова — столицы болгарского царства, завоеванного турками в 1393 г.